

Дождь лил как из ведра, стекая по земле бурлящими ручьями. Пламя красного лотоса непрерывно выделяло клубы белого пара, окутывая всю гору полупрозрачной дымкой, отчего та казалась сказочной обителью бессмертных. Се Жэнь кое-как выждал положенный срок и, не дождавшись даже, пока угаснет последняя охапка огня, стал отмахиваться от жара, торопясь открыть крышку.

Фэн Цяньсюэ держал над собой белый зонт с узором из грушевых цветов. Издали глядя на промокнувшего до нитки юношу, он окликнул:

— Се Жэнь!

— Ой, ты как тут оказался? — Се Жэнь обернулся. В его облике не было и тени смущения, будто его поймали за шалостью, напротив — глаза сияли от восторга. — Иди скорее сюда!

Фэн Цяньсюэ слегка нахмурился:

— Не глупи, иди со мной назад.

— Вовсе я не глуплю! — Видя, что тот стоит не шелохнувшись, Се Жэнь просто шагнул к нему, схватил за руку и силой приволок к печи дляковки духовных орудий. — Смотри!

К тому моменту огонь полностью угас. Внутри печи тихо парил прозрачный сосуд для воды. На нем не было никаких украшений, но он выглядел невероятно красиво: горлышко окаймляла тонкая золотая нить, будто кусочек солнечного луча обвился вокруг ледяной горы.

Фэн Цяньсюэ в изумлении поднял на него взгляд.

Се Жэнь радостно улыбнулся:

— Это тебе. Нравится?

Фэн Цяньсюэ отвел взгляд и попытался вытащить его меч, но Се Жэнь перехватил его руку:

— Не надо, он горячий.

— Сколько времени ты здесь ковал?

— Вообще-то положено двенадцать часов, но я еще не набил руку, так что ушло еще полдня.

Се Жэнь достал сосуд для воды и снова спросил:

— Ты так и не ответил, тебе нравится?

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Да.

Се Жэнь остался очень доволен ответом. Он расстегнул пряжку у него на поясе и заботливо прикрепил к ней сосуд. Растрепанные волосы юноши мокли под дождем, на ресницах дрожали капли, и Фэн Цяньсюэ достал из рукава платок, вытирая ему лицо:

— Впредь не нужно так делать.

— Все равно на днях мне нечем было заняться, — ответил Се Жэнь. — Дождь слишком

сильный, давай сначала укроемся в пещере.

В пещере все еще оставалась еда, которую принес Ли Хуань. Фэн Цяньсюэ уселся у костра и стал разогревать ее для Се Жэня. Спустя некоторое время он поднял голову:

— Почему ты все время на меня смотришь?

— Да вот думаю, почему ты ни капли не взволнован? — Се Жэнь подвинулся ближе и всем телом прильнул к нему. — Смотри, я даже руки обжег.

Фэн Цяньсюэ мазнул взглядом по его ладоням:

— Пламя красного лотоса исходит из твоих собственных духовных жил. Если тебя ранит твое же пламя, значит, ты плохо учился.

Се Жэнь поник и выпрямился:

— О.

Фэн Цяньсюэ достал пузырек с лекарством:

— Дай руку.

Се Жэнь скрестил руки на груди и уставился вперед:

— Не дам. Раз я плохо учился, так мне и надо, поделом мне эти ожоги.

Фэн Цяньсюэ насильно притянул его руку к себе и с легкой улыбкой сказал:

— Что, уже и слова сказать нельзя? Не дергайся.

Голос его звучал мягко, и касания были едва ощутимыми. Прохладные, словно нефрит, пальцы прикоснулись к ладони, и боль от ожога тут же заметно утихла. Се Жэню стало скучно просто так сидеть, и его взгляд скользнул по руке собеседника выше: точеное, белоснежное предплечье, такое же бледное лицо, тонкие мочки ушей, прямой переносица и бледные губы — должно быть, из-за дождя на них почти не оставалось красок.

И Се Жэнь, точно поддавшись неведомому порыву, снова захотел прикоснуться к нему. Но своевременно вспомнил печальный опыт, когда в прошлый раз дотронулся до его лица и весь вечер был вынужден под строгим надзором заучивать «Сутру очищения сердца и постижения Дао», так что вовремя отдернул руку.

Фэн Цяньсюэ между делом спросил:

— О чем ты думаешь?

Се Жэнь ответил:

— О «Сутре очищения сердца и постижения Дао».

Фэн Цяньсюэ поднял взгляд:

— В твоей голове снова зародились порочные мысли?

Се Жэнь не пожелал сознаваться:

— С чего бы это порочным мыслям быть обязательным условием для очищения сердца? Я просто решил повторить прочитанное. Сейчас мой разум абсолютно чист и спокоен.

Фэн Цяньсюэ протянул палец и слегка ткнул его в грудь.

И Се Жэнь сам не понял почему, но его сердце застучало как бешеный барабан.

.....

Гром Лэймина, ветер и дождь заглушали этот оглушительный стук.

Костер полыхал в темноте, отбрасывая на стены пещеры две переплетенные тени.

Фэн Цяньсюэ произнес:

— У тебя явно что-то на уме.

Се Жэнь как ни в чем не бывало выпрямился и взял прутик, чтобы пошевелить угли:

— Даже если и так, я тебе не скажу. Но не волнуйся, это никак не связано с истреблением демонов и праведным долгом. Просто дурацкие мысли лезут в голову.

Фэн Цяньсюэ больше не стал расспрашивать. Он достал из мешочка цянькунь маленький нефритовый гребень и, видя, что Се Жэню из-за намазанной лекарством правой руки неудобно, сам подсел ближе и снял с него ленту для волос.

Запах благовоний на одежде, смешанный с прохладой дождевых капель, заставил Се Жэня от неожиданности оцепенеть, а в голове у него образовалась полнейшая каша:

— Ты что делаешь?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Волосы растрепаны, одежда в беспорядке — смотреть тошно.

— ...Вовсе на меня смотреть не тошно, — Се Жэнь посчитал нужным объясниться. — В городе Чанцэ все бабушки и тетушки наперебой хвалят мою красоту.

Фэн Цяньсюэ улыбнулся и аккуратно принялся просушивать его волосы:

— Да, я знаю.

И не только бабушки и тетушки, но и молоденькие девушки, у которых только-только расцветали первые чувства. Каждый раз они прятались за окнами, чтобы тайком взглянуть на него — как он в белых одеждах и с мечом на поясе шел по широким улицам, и когда он улыбался, казалось, весь город оживал и расцветал, озаренный ярким золотом утреннего солнца.

И кто бы не захотел выйти замуж за такого статного юношу?

По крайней мере, хорошая половина девушек города Чанцэ была совсем не против.

Фэн Цяньсюэ двигался очень медленно. На самом деле он толком не умел расчесывать чужие волосы: весь его опыт ограничивался лишь тем давним случаем, когда в бессмертную обитель Циньай пришла трех-четырёхлетняя малышка-заклинательница. У нее были такие очаровательные пухлые щечки, что он отложил цитру и вино и помог ей завязать два круглых пучка.

Малышка не могла усесться на месте, ерзая из стороны в сторону, так что причесать ее было непростой задачей. Вот и Се Жэнь, похоже, тоже никак не мог спокойно усидеть: то и дело поднимал голову, отчего шелковистые пряди выскальзывали из пальцев. Фэн Цяньсюэ пришлось мягко прижать его:

— Не вертись!

И Се Жэнь действительно перестал двигаться, замерев вытянувшись в струнку. Ему показалось, будто Фэн Цяньсюэ всем телом прижался к его спине, а длинный рукав скользнул по щеке — нежно, словно снег или мягкая кошачья лапка, оставляя щекочущее ощущение.

— Апчхи!

Фэн Цяньсюэ прикоснулся к его лбу, проверяя температуру:

— Простыл?

Се Жэнь с невозмутимым видом ответил:

— Нет.

Фэн Цяньсюэ привел его волосы в порядок и снова сел рядом:

— Но у тебя уши горячие.

Се Жэнь:

— ...Угу.

Фэн Цяньсюэ вытащил из мешочка цянькунь одеяло:

— Сними пока мокрую одежду.

У Се Жэня пресеклось дыхание. Ему казалось, что сегодня вечером в него либо вселился бес, либо у него и правда бред из-за жара. В общем, мозги работали из рук вон плохо, мысли не успевали за происходящим, и лишь сердце колотилось с такой силой, словно готово было пробить грудную клетку.

Интересно, помогло бы ему сейчас повторение «Сутры очищения сердца и постижения Дао»? Но в этот миг он не мог вспомнить из нее ни единой строчки.

К счастью, в этот неловкий, критический момент вовремя подоспели Ли Хуань и Мо Чи. Заметив, что приятель не возвращается в учебную обитель, они решили, что у него снова взорвалась печь, и под дождем помчались на выручку. Увидев закадычных друзей, Се Жэнь ощутил огромное облегчение. Он подхватил обоих под руки и потащил наружу. Ли Хуань опешил от недоумения:

— Куда ты так торопишься? Не можешь подождать, пока дождь стихнет?

— Не могу, я спать хочу.

— Так подожди хотя бы брата Фэна.

— ...

Се Жэнь замер и оглянулся.

Фэн Цяньсюэ с зонтом в руках как раз выходил из пещеры. Костер позади него угас, поэтому он выпустил горсть светлячков снежного света. Они кружили в воздухе, словно маленькие звездочки, освещая ему путь.

Некоторые светлячки лениво опустились на полы его одеяний и в волосы, а другие вились вокруг него. Когда он шагал, подол задевал их, и они скатывались книзу, рассыпаясь танцующими искорками.

Грохот Лэймина, проливной дождь и рев ветра — казалось бы, в такую погоду каждый выглядел бы жалким и мокрым, но нашелся человек, который умудрялся шагать безупречно чистым, возвышенным, да еще и излучающим мягкое свечение. Когда он держал зонт, длинный рукав слегка опустился, и струйки дождя попадали на белое обнаженное предплечье, оставляя влажные дорожки. Се Жэню казалось, что у него никогда еще не было столь острого зрения: он невольно сжал в кулаке платок, пытаясь подойти и вытереть эту прохладную влагу, но ноги точно приросли к земле.

И только сердце билось все быстрее и быстрее.

Ли Хуань помахал рукой перед его лицом:

— Ты чего застыл?

Кадык Се Жэня дернулся, он неловко потер нос:

— Да так, ничего. Пошли.

Все четверо вернулись, летя на мечах, и промокли насквозь. В жилище Фэн Цяньсюэ почти не было мебели, зато бадью для купания принесли заранее. Пока тот принимал ванну, Се Жэнь помылся с самой невероятной скоростью в своей жизни и, словно разбойник, ворвался в комнату Ли Хуаня, сгребая его за плечи:

— Мне нужно кое-что у тебя спросить.

— Ты совсем с ума сошел? Если надо спросить — спрашивай, зачем через окно влетать? Много бы времени заняло через дверь войти?

— Я тороплюсь.

— Ладно, спрашивай.

Вот только Ли Хуань прождал целую вечность, а Се Жэнь так и не обронил ни единого слова.